

В.А. Воропанов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал (Россия)
e-mail: voropanov-va@ranepa.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ (XVIII ВЕК)

Цель исследования – проанализировать первичный опыт формирования институтов судебной системы Российской империи в Казахской степи. Его методологическую основу составили принципы историзма, системности и обусловленности, предполагающие проведение разностороннего анализа предмета исследования. Автор применялись системный, компаративный, ситуационный подходы, актуальные методы познания, в частности, историко-генетический, историко-типологический, сравнительно-исторический, системный, структурно-функциональный и др. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе процессов формирования институтов судебной системы Российской империи, раскрытии ключевых аспектов судебной правовой политики, причин, целей, механизмов, итогов её реализации. Автор пришёл к выводу о том, что планы формирования специальных судов на границе Российской империи с Казахской степью возникли с момента принятия формального подданства, признания вассальной зависимости, частью казахских родов. Органы русской администрации стремились обеспечивать безопасность внутренних областей империи и условия для международной торговли, поддерживая баланс в отношениях и противоречиях местных народов. В середине XVIII в. Коллегия иностранных дел и лидеры Младшего жуза признавали захват людей и скота у казахов в качестве единственно доступного средства воздействия на ответчиков и урегулирования имущественных споров. Круг должностных лиц, наделённых правом совершения баранты, ограничили законодательно. В конце XVIII в. русская верховная власть перешла от мер по укреплению военно-административной границы к внедрению первичных форм имперской администрации и юстиции в Казахской степи. Факторами, нарушавшими устойчивость новых институтов, являлись как земельные притязания и конфликты оседлого и кочевого населения, так и внутренняя разобщённость казахов, конкуренция и вражда султанских кланов и семей, султанской и родовой аристократии. Несмотря на противоречивые результаты проведения реформы управления в Младшем жузе, преемник Екатерины II сохранил преемственность её политики в отношении казахов, рассматривая в качестве её главных проводников специальные органы администрации и юстиции на границе.

Ключевые слова: история Казахстана, правосудие, юстиция, Российская империя.

V.A. Voropanov

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Chelyabinsk branch (Russia)
e-mail: voropanov-va@ranepa.ru

Formation of the institutions of the judicial system of the Russian empire in the Kazakh steppe (XVIII century)

The aim of the study is to analyze the primary experience of forming the institutions of the judicial system of the Russian Empire in the Kazakh steppe. Its methodological basis is formed by the principles of historicism, systematicity and conditionality, which presuppose a comprehensive analysis of the subject of the study. The author used systemic, comparative, situational approaches, relevant methods of cognition, in particular, historical-genetic, historical-typological, comparative-historical, systemic, structural-functional, etc. The scientific novelty of the study lies in the comprehensive analysis of the processes of formation of the institutions of the judicial system of the Russian Empire, the disclosure of key aspects of judicial and legal policy, reasons, goals, mechanisms, and results of its implementation. Plans for the formation of special courts on the military-administrative border of the Russian Empire with the Kazakh steppe arose from the moment of acceptance of formal citizenship, recognition of vassalage, as part of the Kazakh clans. The bodies of the Russian administration sought to ensure the security of the internal regions of the empire and conditions for international trade, maintaining a balance in the relations and contradictions of local peoples. In the middle of the 18th century. The Collegium of Foreign Af-

fairs and the leaders of the Junior Zhuz recognized the seizure of people and livestock from the Kazakhs as the only available means of influencing the defendants and resolving property disputes. The circle of officials authorized to carry out baranta was limited by law. At the end of the 18th century. Russian supreme power moved from measures to strengthen the military-administrative border to the introduction of primary forms of imperial administration and justice in the Kazakh steppe. The factors that disrupted the stability of the new institutions were both land claims and conflicts between the settled and nomadic population, as well as the internal disunity of the Kazakhs, competition and enmity of the Sultan's clans and families, the Sultan's and tribal aristocracy. Despite the contradictory results of the management reform in the Junior Zhuz, the successor of Catherine II maintained the continuity of her policy towards the Kazakhs, considering special administration and justice bodies on the border as its main conductors.

Key words: history of Kazakhstan, justice, justice, Russian Empire.

В.А. Воропанов

Ресей Президентінің халық шаруашылығы және мемлекеттік басқару академиясы,
Челябі филиалы (Ресей)
e-mail: voropanov-va@yandex.ru

Қазақ даласында Ресей империясының сот жүйесі институттарының қалыптасуы (XVIII ғ.)

Зерттеудің мақсаты – қазақ даласындағы Ресей империясының сот жүйесінің институттарын қалыптастырудың алғашқы тәжірибесін талдау. Оның әдіснамалық негізін зерттеу пәнін жан-жақты талдауды көздейтін тарихшылық, жүйелілік және айқындық принциптері құрайды. Автор жүйелік, салыстырмалы, ситуациялық тәсілдер, сәйкес таным әдістерін, атап айтқанда, тарихи-генетикалық, тарихи-типологиялық, салыстырмалы-тарихи, жүйелік, құрылымдық-функционалдық және т.б. пайдаланды. Зерттеудің ғылыми жаңалығы Ресей империясының сот жүйесінің институттарын қалыптастыру процестерін жан-жақты талдауда, Ресей империясының сот жүйесінің негіздерін ашуда, құқықтық негізді және құқықтық саясатты ашуда. оны жүзеге асырудың мақсаттары, механизмдері, нәтижелері. Автор Ресей империясының қазақ даласымен шекарасында арнаулы соттар құру жоспарлары қазақ руларының бір бөлігінің вассалдық тәуелділігін мойындап, ресми бодандықты қабылдаған кезден туындады деген тұжырымға келген. Ресей әкімшілігінің органдары империяның ішкі аймақтарының қауіпсіздігін және халықаралық сауда жағдайын қамтамасыз етуге, жергілікті халықтардың қарым-қатынастары мен қайшылықтарында тепе-теңдікті сақтауға ұмтылды. 18 ғасырдың ортасында Сыртқы істер алқасы мен Кіші жүз басшылары қазақтардан адам мен малды тартып алуды жауапкерлерге ықпал етудің және мүлктік дауларды шешудің бірден-бір қолжетімді құралы деп таныды. Баранта жасау құқығы берілген шенеуніктердің шеңбері заңмен шектелді. 18 ғасырдың аяғында Ресейдің жоғарғы билігі әскери-әкімшілік шекараны нығайту шараларынан қазақ даласына империялық басқару мен әділеттің алғашқы түрлерін енгізуге көшті. Жаңа институттардың тұрақтылығын бұзған факторлар – жерді талап ету және отырықшы және көшпелі халық арасындағы қақтығыстар және қазақтардың ішкі бытыраңқылығы, сұлтан рулары мен әулеттері, сұлтандық және рулық ақсүйектер арасындағы бәсекелестік пен дұшпандық болды. Кіші жүздегі басқару реформасын жүзеге асырудың қайшылықты нәтижелеріне қарамастан, II Екатерина мұрагері қазақтарға қатысты саясатының сабақтастығын сақтап, оның негізгі жүргізушілері ретінде шекарадағы арнайы әкімшілік және сот органдарын санады.

Түйін сөздер: Қазақстан тарихы, әділет, юстиция, Ресей империясы.

Введение

Ключевым направлением деятельности российской верховной власти на границах с Казахской степью в XVIII в. являлась разработка и реализация мер, направленных на создание условий для вовлечения её жителей в правоотношения с остальными подданными, поддержки правовой аккультурации различных групп местного населения. С начала принятия казахами формального подданства организация правосудия рассматривалась как необходимая альтерна-

тива взаимному насилию и средство укрепления общей безопасности на пограничных линиях – Оренбургской, Сибирской, Яицкой (Уральской), и в Казахской степи.

Цель данного исследования – проанализировать первичный опыт формирования институтов судебной системы Российской империи в Казахской степи. В середине 1780-х гг. российская верховная власть («имперский законодатель») перешла от попыток организации правосудия на пограничных линиях, представлявших временные военно-административные границы

в областях внешней периферии, к практике учреждения органов юстиции, адаптированных к объективным условиям жизни казахов, объединения родов которых рассматривались как вассальные политические образования.

Историография проблемы

Вопросы становления и развития системы местных органов управления и суда в казахских жузах получили фрагментарный анализ в трудах российских дореволюционных и советских исследователей. Среди современных авторов различный вклад в изучение проблемы внесли прежде всего казахстанские и российские авторы (Алимжан, 1998; Анисимова, 2024; Безвиконная, 2005; Васильев, 2017; Горбунова, 1998; Емельянова, 2005; Избасарова, 2018, Султангадиева, 2015, 2016). Преимущественное внимание при этом до сих пор уделялось традиционному казахскому суду (Алимбекова, 2012; Артыкбаев, 2015; Вареникова, 2016; Емельянова, 2017; Зиманов, 2008; Исибаева, 2012; Кенжалиев, 2015; Онланбекова, 2016; Оразбаева, 2004; Почекаев, 2008; Сартаев, 2008; Сартори, Шаблей, 2019; Федотова, 2006 и др.). Из трудов западных исследователей следует отметить монографию В. Мартин «Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian colonialism in the nineteenth century» (Richmond, UK, 2001), переведённую на русский язык (Мартин, 2012).

Материалы и методы

Научный анализ проводился на основе нормативно-правовых актов и материалов делопроизводственной документации, опубликованных и извлечённых из государственных архивов Российской Федерации и её субъектов. Методологическую основу составили принципы историзма, системности и обусловленности, предполагающие проведение разностороннего анализа предмета исследования. Автором применялись системный, компаративный, ситуационный подходы, актуальные методы познания, в частности, историко-генетический, историко-типологический, сравнительно-исторический, системный, структурно-функциональный и др. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе процессов формирования институтов судебной системы Российской империи, раскрытии ключевых аспектов судебно-правовой политики, причин, целей, механизмов, итогов её реализации.

Результаты

Административное освоение Южного Урала в 1730-х гг. было тесно связано с планами по налаживанию политического сотрудничества российской верховной власти с аристократией казахских родов, объявленных формально её подданными на основании присяги, и взаимодействия с ней в сфере правосудия (Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ), 1734: 324, 1738: 615; Шахматов и др., 1961: 128). В 1744 г. функции главного руководства развитием отношений с казахами и реализацией внешней политики России в Центральной Азии были сосредоточены в компетенции нового начальника края – оренбургского губернатора. Хан отзывался губернатору, что не имеет полной власти над казахами, и предлагал ему применять против них военную силу (Шахматов и др., 1961: 365–366). Взаимодействие с аристократией с конца 1740-х гг. выражалось в поддержке ханской власти Нуралы, наследника Абулхаира, над родами Младшего и отчасти Среднего жузов, финансировании представительских расходов и выплатах жалованья ханам и лояльным султанам (Крафт, 1898: 22–23, 28, 44, 45; Шахматов и др., 1961: 408–411, 414–417, 443, 444–447, 475–481, 537–538), взятии заложников как гарантии предотвращения набегов и удовлетворения обоснованных претензий (Крафт 1898: 28; Лебедев 1940: 87). Институт аманатов признавался крайней необходимостью, но не применялся в отношении родов Среднего жуза. В условиях устойчивых традиций политической децентрализации ханы просили военную помощь против своих оппонентов. Императорская власть отказалась поддержать конкурентов хана Нуралы и его стремление начать усобицу (Крафт, 1898: 25–26). В целях установления обратной связи в политической коммуникации хана Младшего жуза наделили правом регулярно посылать представителей в Санкт-Петербург (Крафт, 1898: 50, 86–87).

Главное пограничное начальство сдерживало агрессию служилых народов. В интересах общей безопасности кочевья казахов ограничивали левобережьем Яика и Иртыша (ПСЗ РИ, 1834: 324; Шахматов и др., 1961: 262–263, 265–267, 438–439, 440–442, 540–546, 547–548). За тяжкие преступления против русских подданных к казахам применяли нормы уголовного права. В законодательстве первичное развитие получило регулирование порядка удовлетворения взаимных претензий с участием представителей сторон. В

Казахской степи контроль за действиями отдельных родов отсутствовал, вынудив как Коллегию иностранных дел, так и хана Нуралы признать в качестве средства институт захвата людей и скота – баранты. Согласно законодательству, применение баранты допускалось по согласованию с ханом и из ограниченного числа поселений пограничных линий. Стабильность конфликтов казахов с яицкими казаками и волжскими калмыками побудила Коллегию иностранных дел запретить их переходы в приуральские степи и даже рассматривать как необходимость возвращение их зимних кочевий на берега Эмбы, где планировалось выстроить крепость в интересах укрепления власти хана Нуралы (Крафт, 1898: 48, 51, 61–62, 62–63, 64–66, 67–68, 74–75, 76–77, 81–82). На состоянии отношений России с казахами Среднего жуза сказывалось соседство сильных государств: давление Джунгарского ханства, затем империи Цин заставляло кочевую аристократию искать её поддержки и защиты. Несмотря на политические противоречия, лидеры Среднего жуза не нарушили союзных отношений с Россией (Крафт, 1898: 51–58, 63–64, 66, 68–74, 78–79; Шахматов и др., 1961: 130–133, 548–551, 552–563, 568–569, 591–593, 598–599, 603–605, 607–610, 613–615, 620–624, 632–635). Казахам втягивали во взаимовыгодные торговые отношения, организовав на пограничных линиях регулярный обмен товарами, добиваясь безопасности для купеческих караванов из России, Бухары и Хивы. Гарантиями безопасной торговли на пограничных линиях служили аманаты. Торговлю в местах напротив кочевий Среднего жуза в целях безопасности перенесли на правый берег Иртыша. Указ Коллегии иностранных дел от 1753 г. требовал блюсти принцип справедливости при выявлении виновных в конфликтах и назначении им наказаний; инструкция командующего Сибирскими линиями от 1748 г. предписывала пограничным судьям учитывать особенности правовых обычаев торгующего населения (Крафт, 1898: 35, 37; Шахматов и др. 1961: 381).

Новым этапом развития российско-казахских отношений стало правление Екатерины II. С начала 1760-х гг. вырабатывались общие принципы государственной политики в отношении приграничных народов, налаживалось взаимодействие с казахской аристократией, осуществлялся поиск способов усиления влияния России в целях обеспечения общей безопасности, развития торгово-экономических связей как с народами Средней Азии через Казахскую степь, так и казахами. Сословие казахских султанов призна-

валось привилегированным, их престиж равным в России княжескому (Крафт, 1898: 122). Нуралы, первый султан, чья ханская власть была санкционирована императорской, настаивал на закреплении её наследственного характера. Такое желание признали неприемлемым из-за отсутствия согласия в народе. Круг претендентов на власть в жузе предполагалось установить после изучения их социальных статусов и репутаций. Военную помощь для усиления личного влияния хан не получил (Шахматова и др. 1961: 695). За содействие в обеспечении безопасности торговых караванов султану Ералы, сыну Абулхаира, увеличили жалованье до 350 рублей, султану Джали назначили в размере 150. Казахам предложили брать за охрану караванов 1 % от стоимости перевозимых товаров (Крафт, 1898: 96–97, 99, 103–104, 113; ПСЗ РИ, 1763: 397–401).

Требования казахской аристократии касались доступа к пастбищам на правобережье Яика и материальных выплат в качестве поощрения за сдерживание набегов сородичей. Из-за отсутствия возможности привлечь к участию в охране Яицких пограничных линий как казахов, так и астраханских калмыков, службу оставили в обязанности казаков. Институт заложников признавался неэффективным, их пребывание в Оренбурге не возобновлялось с 1769 г. Для выкупа лиц, похищенных разбойниками, в 1777 г. были установлены расходы в сумме 2000 рублей ежегодно, обоснованные как исключительное средство. Согласно уточнённым сведениям, в Бухаре и Хиве числились около 5000 человек, в том числе военнотруженики, волжские колонисты, поляки, государственные и крепостные крестьяне, включая марийских, мордовских и чувашских (Крафт, 1898: 126). Законодательство регулировало порядок действий должностных лиц: воинским командам позволялось преследовать разбойников в степи вплоть до их кочевий, пограничным начальникам надлежало требовать возврата пленных и имущества от хана и правителей родов, в случае неудовлетворения требований осуществлять захват заложников для понуждения сородичей к возмещению ущерба (Крафт, 1898: 123; Лебедев, 1940: 88). Иностранные подданные, бежавшие из плена, получали свободу в России, но казахи до 1780-х гг. пользовались правом получать за них компенсации (ПСЗ РИ, 1776: 402–403).

В 1782 г. функции специального управления отношениями с казахами были консолидированы преимущественно в компетенции Экспедиции пограничных дел во главе с оренбургским

обер-комендантом (ПСЗ РИ, 1782: 380). Схожие обязанности с учётом географии Казахской степи были возложены на обер-коменданта в Астрахани. Казахам допустили кочевать в приуральские степи, гарантировав им безопасность (Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 919. Ч. 2. Л. 138–138 об.). Императорская власть посредством главных начальников Оренбургского края систематически принимала меры по укреплению пограничной стражи и усилению контроля за действиями должностных лиц, развитию военной организации, включая регулирование службы башкир и мещеряков, бобылей и тептярей как региональных сословий. Принцип неотвратимости уголовного наказания за преступления, совершённые в приграничной зоне, реализовался преимущественно для жителей России. У органов кочевой власти отсутствовали обязательства по задержанию и наказанию разбойников из степи или их выдаче органам имперской администрации (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 933. Л. 41–42, 45–48 об., 56–57, 60–63 об., 95–96 об., 124–125).

В контексте реформирования систем местного управления в Российской империи генерал-губернатор А. И. Апухтин определил способы перевода разрешения конфликтов пограничного населения в правовые рамки, создания первичных условий для вовлечения казахов в правовые отношения с жителями России. Его предложения были основаны на анализе традиций осуществления и состояния степного правосудия, согласованы с представителями казахской аристократии. Главными органами, деятельность которых могла быть направлена на перспективное развитие правоотношений, стали пограничные суды. Проект мер, поддержанных в Санкт-Петербурге, предусматривал учреждение специальных судов на пограничных линиях и согласование в их деятельности актуальных интересов как русских, так и казахских сословий: купечества, служилых народов, султанов и родовой аристократии (биев, батыров, тарханов) (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 933. Л. 14–25).

Реализация реформы потребовала активного вмешательства во внутриказахские отношения, которые характеризовались устойчивой полицентричностью. Главное пограничное начальство добивалось сбалансированности в политических отношениях, сохраняя традиционную ханскую власть, принадлежавшую в Младшем жузе клану Абулхаиридов. Противоречия среди казахской аристократии усугубились, напрямую сказываясь на состоянии безопасности

пограничных линий и приграничных уездов. Соперничество охватывало группы как султанского сословия, так и родовой знати. Лидером противостояния клану Абулхаиридов сделался батыр Сырым Датұлы. Конкуренты искали в России средства прямой военно-политической и экономической поддержки. Её союзники пользовались пастбищами в приуральских степях, оппоненты откочевывали в юго-восточные области Казахской степи (Вяткин, 1947: 190–205). Исключительно важным способом аккультурации казахов рассматривалась их дальнейшая исламизация. За счёт средств государства на линиях началось строительство мечетей и мектебов, действие которых было направлено на распространение и укрепление ислама среди казахов (ПСЗ РИ, 1784: 144; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 933. Л. 86, 120). Главным представителем монарха и генерал-губернатора в Казахской степи сделался М. Хусаинов, региональный духовный лидер – «киргиз-кайсацкий муфтий» (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 990. Л. I). В качестве новых экономических центров планировались гостинные дворы.

Замирение казахского общества с участием генерал-губернатора О. А. Игельстрома оказалось временным: соперники оттеснили от власти клан Абулхаиридов, возглавляемый ханом Нуралы. Новая система власти в Младшем жузе сформировалась на основе реального соотношения политических сил в казахском обществе. Достижение относительного социально-политического спокойствия в Казахской степи позволило существенно снизить уровень преступности в приграничной зоне, организовать и провести выборы казахских представителей в состав коллегии Оренбургского пограничного суда (Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп. 81. Д. 1. Л. 9 об. – 12). Представительство родов не могло быть полным в силу существования их как самостоятельных политико-экономических единиц, однако обеспечивало легитимность решений, принимаемых Пограничным судом. Генерал-губернатор рассматривал присутствие представителей народа в Оренбурге в качестве членов судейской коллегии как актуальную форму гарантии безопасного кочевания части его в приуральских степях (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 919. Ч. 2. Л. 132–137 об.). Он полагал необходимым приступить к формированию в степи системы санкционированных институтов власти, сделав главными в улусах новые органы администрации и юстиции – расправы, учреждённые по аналогии с нижними расправами – видом российских

судов, созданных в губерниях для сельских условий. Лидеру каждого улуса – главному старшине, он предложил поручить председательство в расправе (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 3. Л. 36 об. – 39 об.).

Казахи демонстрировали заинтересованность в укреплении общей безопасности, ходатайствовали об учреждении дополнительного судебного органа на территории Уральского казачьего войска и увеличении количества расправ (Лебедев, 1940: 75; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 3. Л. 41–42 об.). Султанское сословие оказалось в политической оппозиции и уклонилось от участия в выборах и деятельности Пограничного суда (Лебедев, 1940: 88–96). Создание временного (сроком на 6 месяцев) отделения Пограничного суда в Калмыковой крепости стало сопровождать допуск казахов для кочевания по правобережью Урала в зимний период. В состав его коллегии командировали старшин казачьего войска. Наставление предписывало отделению устно разбирать мелкие дела и осуществлять предварительное расследование с участием представителей населения (Объединённый государственный архив Оренбургской области (далее – ОГАОО). Ф. 54. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–4 об.). Зимой 1788 г. работа отделения Пограничного суда началась с рассмотрения исковых требований и предложений батыра Сырыма (ОГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 8. Л. 9–22 об., 44–55 об., 83–85).

В сентябре 1787 г. руководство улусами Алимуды, Байуды и Жетыру перешло к главным и родовым старшинам, избранным казахами. В улусах были созданы три коллегии расправных судей. В число главных начальников улуса Байуды вошёл батыр Сырым Датуды. В состав коллегий расправ казахи избрали авторитетных лиц (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 1. Л. 13–20 об.). Расправы, чья организационно-правовая форма являлась альтернативной казахским судам, тесно взаимодействовали с традиционными кочевыми органами власти. Копии законодательного акта от 7 ноября 1775 г. об организации местного управления в империи, выданный судьям на тюркском языке, носили декларативный и ознакомительный характер, однако инструкции им являлись служебными документами. В компетенции расправ формально были объединены основные функции нижних расправ и нижних земских судов. Последние являлись уездными органами полицейской администрации. Разработчик законопроекта счёл важным устранить неравенство в вознаграждении председателя и членов расправ, основываясь на стереотипах

мышления казахов. Прямыми представителями России в расправах являлись делопроизводители, исполнять обязанности которых было поручено командированным муллам («из русских татар»). Делопроизводство ограничивалось отношениями с пограничными органами. Генерал-губернатор допускал развитие системы органов местного управления и передачу части обязанностей расправ в Казахской степи нижним земским судам (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 3. Л. 43–45, 200, 244–249; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 1. Л. 13–20 об.).

В ноябре 1787 г. главные старшины улуса Жетыру («Семиродского рода») уведомили Пограничный суд, что их расправа начала действовать. Их рапорт от 6 декабря был представлен в табличном виде с описанием содержания 8 дел, решения по которым вынесли расправные судьи. Председатель Джанбек Худай Берганов и заседатель Истемей Джанбеков использовали тамги, мулла Сеит Бекмухамметов оставил подпись. Рапорт в Пограничном суде перевёл штатный работник Кукляш Биктяшев (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 3. Л. 200, 244–249). Тархан Сырым Датуды сообщил генерал-губернатору из Сарачинского форпоста о том, что судьи разъехались по зимовьям, но что сам он перемещался по Уральским линиям вплоть до Гурьева, разбирая взаимные претензии, признав, что не опирался на предписания русского законодательства по его незнанию. Родоначальники организовали поиск людей и лошадей, похищенных в разное время (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 3. Л. 209, 209 об.).

По инициативе расправных судей улуса Жетыру в 1788 г. в Оренбурге изготовили крытые повозки для перемещения лиц, уполномоченных осуществлять правосудие, между кочевьями (ОГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 22. Л. 193, 196–198, 209–210).

Несмотря на неразрешимость политических противоречий казахской аристократии и невозможность установить контроль за жизнью всех родов Младшего жуза, Игельстром обеспечил устойчивое взаимодействие государственных и кочевых органов управления; расходы на выкуп подданных из плена впредь допускались только для их освобождения в Бухаре и Хиве (из расчёта 150–200 рублей за человека). Для данных целей из казны выделялось уже 4000 рублей (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 5. Л. 400 об.). В рапорте императрице с приложением к нему подробной ведомости генерал-губернатор Игельстром сообщил, что в 1788 г. казахи похитили 26 человек,

их старшины вернули 20, из рабства в Бухаре и Хиве выкупили 8, из кочевий бежали 82, из которых 14, не являвшихся русскими подданными, вернули казахам (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 5. Л. 120–120 об., 122–123). Обер-комендант Я. М. Зенбулатов позаботился об интересах иностранцев, сумевших бежать из Казахской степи. В письме А. А. Безбородко от 9 августа 1788 г. он просил подтвердить, что под пленными, которых в своё время предписано было вернуть в улусы, не имелись в виду бывшие иностранные подданные. Часть их добровольно крестилась. Он напомнил, что только с момента учреждения Уфимского наместничества казахи похитили с его территории около 300 человек, часть которых вернуть так и не удалось (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 4. Л. 196–197).

Расправы занимали самостоятельное место в системе власти и признавались казахами. Генерал-губернатор отказался предоставить расправам властные преимущества, сформировав при них военизированные отряды из служилых людей (РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 131. Л. 39 об. – 40 об.). Главные и родовые старшины, расправные судьи активно участвовали в сдерживании роста преступности, организации поиска преступников, похищенных людей и имущества (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 5. Л. 217–219; РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 131. Л. 20 об. – 21 об.). Применение военной силы оценивалось как исключительное и находилось под контролем в условиях служебной конкуренции должностных лиц. По мере установления регулярного контроля за действиями пограничных начальников и населения уездов инициатива в грабежах перешла к жителям степи. Пограничных офицеров, допустивших совершение преступления, предавали военному суду с обвинением в ненадлежащем исполнении обязанностей (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 3. Л. 274–275, ч. 5. Л. 206–207, 217–219). Ответную баранту башкир рассматривали как преступление, подвергая наказаниям только организаторов самовольных переходов военно-административной границы, передавая участников на поруки, осуществляя возврат или размен похищенных лошадей (ОГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 41. Л. 13; Объединённый государственный архив Челябинской области (далее – ОГА-ЧО). Ф. И-117. Оп. 1. Д. 17. Л. 124–124 об.; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 4. Л. 25–25 об., 27 об. – 28).

Установление относительного мира в Казахской степи положительно сказалось на торговом обороте (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 3. Л.

85–85 об.; РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 131. Л. 15 об. – 16). Торговле препятствовали султаны во главе с Ералы и Есимом (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 4. Л. 73 об. – 74 об., 86–89 об., 114–115 об., 127–127 об.). Ералы восстановил личное общение с генерал-губернатором посредством старшины Тлянчи Буканбаева. Он признал ответственность за грабежи караванов казахами, подвластными ему, и объяснял своё поведение отсутствием хана Нуралы, воспринятым как его задержание (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 4. Л. 147–175 об., д. 991. Ч. 3. Л. 37 об.). Игельстром допускал возможным наделить их с султаном Айшуаком ханскими титулами прежде, чем получить разрешение на возвращение Нуралы из Уфы (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 4. Л. 192–193 об.).

Слухи о восстановлении в ханском достоинстве Нуралы вызвали беспокойство его противников. В рапорте от 31 октября 1789 г. Игельстром доложил, что политические интересы окончательно разобили жуз. Тем не менее, он находил возвращение Нуралы в жуз безопасным, полагаясь на новую систему органов власти. Генерал-губернатор заботился о мотивации казахов, вовлечённых в реализацию реформ, обеспечивал эффективную коммуникацию кочевой аристократии как с пограничным начальством, так и монархом. Поиск баланса во внутриказахских отношениях в интересах Российской империи побуждал Игельстрома продолжать переговоры с султанами, рассматривать возможность вернуть им главное руководство улусами. Однако новая система управления виделась ему основанной исключительно на коллегиальном принципе: хану, по его мнению, следовало принимать решения при участии совета из представителей трёх улусов жуза – частей Орды, правителям улусов – советам из родоначальников. В каждой части могли находиться по 2 правителя из числа конкурирующих потомков ханов Абулхаира и Батыра. Несанкционированное провозглашение султанов ханами не допускалось (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 5. Л. 58–67, 250–251).

Нападения на пограничную стражу, похищения разбойниками людей и животных, а также их возвращение на линию родоначальниками продолжались (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 5. Л. 226–228 об., 230–231, 257–257 об., 260–261 об.). В рапорте Екатерине II с приложением ведомости генерал-губернатор Игельстром сообщил, что в 1789 г. казахи похитили 44 человека, их старшины вернули 29, из рабства в Бухаре и Хиве выкупили 10, из кочевий бежали 78

(РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 5. Л. 350–351 об.). Расходы на выкуп подданных составили 1995 рублей. В Россию вернули 7 жителей Оренбургского и Уральского казачьих войск, в том числе казачку и несовершеннолетнего казака, жену отставного подпоручика, ясачного татарина и чувашскую крестьянку (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 5. Л. 402).

Губернатор А. А. Пеутлинг на правах лица, к которому временно перешли обязанности генерал-губернатора, поручил содействие в достижении согласия между группами казахской аристократии муфтию Хусаинову. Муфтий Хусаинов провёл деловые встречи, вмешиваясь в компетенцию местных органов управления. Тархан Сырым выдал муфтию хорунжего Черноярской казачьей команды М. Плеханова, а также 9 казахов, причастных к его похищению (*«для должного наказания, лично объявил»*). Хусаинов оставил задержанных для разбирательства их дела Сырымом, расправой и Пограничным судом. В отношениях с органами имперской администрации правители казахов заявляли об улусных расправах как легитимных и действенных органах кочевого управления (Вяткин, 1939: 133–136, 141–149, 168–169, 174–175; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 1. Л. 72–73, 84 об. – 85 об., 87–87 об., 89, 94–95 об.). Губернатор обосновал исключительную роль правосудия в процессах вовлечения казахов в систему общественных связей и отношений Российской империи. Его оппонентом оказывалась Экспедиция пограничных дел, руководство которой настаивало на ужесточении мер воздействия и солидарной ответственности казахов за преступления, совершавшиеся против приграничного населения (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 1. Л. 320а об. – 327 об.).

Поддержка главным пограничным начальством интересов султанского сословия окончательно расколола казахское общество. Власть в жузе вернулась к потомкам Абулхаира. Аристократия пользовалась материальными поощрениями за сотрудничество с органами имперской администрации. Жители жуза выражали массовую поддержку тем, кто гарантировал им использование степных угодий в приграничье и России, предотвращение конфликтов с её населением. Растущий интерес казахской аристократии к исламу проявлялся в запросах о присылке духовных лиц и религиозной литературы, строительстве мечетей и школ в кочевьях (ОГАОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33. Л. 217; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 3. Л. 209–209 об., 210).

Конкурирующая миссия Бухарского ханства, выступившего союзником Османской Турции, провоцировавшего казахов на разрыв мирных отношений с Россией, явно провалилась (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 4. Л. 72–73 об., 76–78 об., 80–84). Игельстром принял меры для организации религиозного обучения казахских детей в Оренбурге. Имамом в мечеть при Меновом дворе он назначил авторитетного человека, стажировавшегося в Константинополе, Медине и Мекке, а также заслужившего признание казахов. При мечети строили 2 дома для школы и проживания служителей, учителей и 64 учащихся. Согласно смете, расходы на строительство каменных зданий и забора составили 7300 рублей 68 $\frac{1}{2}$ коп., на содержание служителей ежегодно – 182 рубля. Штатное расписание включало имама, 2 муэдзинов, 2 помощников и мударриса (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 5. Л. 142–149, 152–154).

При попытке османского и бухарского правителей воздействовать на казахов как потенциальных единоверцев их лидеры обратились за помощью к муфтию для обоснования отказа участвовать в вооружённом конфликте с Россией со ссылками на религиозные источники, которое они могли бы объявить народу (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 5. Л. 244–247 об.). Муфтий опроверг мнение о российских мусульманах как неправовверных, указал им на самостоятельность общины (*«нашаго музульманского общества»*), а также меры императорской власти по укреплению. Он заявил о зависимости религиозной деятельности мусульман от воли монарха, исповедующего христианскую веру. Публичную присягу на верное подданство казахи приносили на Коране (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 5. Л. 101–106 об.).

Султаны и поддерживавшие их правители родов стремились восстановить ханскую власть (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 1. Л. 328–331). Пеутлинг сообщил, что в жузе сложились три политические силы (*«главные партии»*): сторонники султана Есима, поддержанные Муртабек бием, главным старшиной улуса Жетыру, остальные главные старшины улусов Алимұлы и Жетыру, желавшие сохранить существовавшую систему управления, и сторонники Сырыма Датұлы, предложившего отложить решение вопроса об организации власти до весны (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 1. Л. 347–355). Губернатор заявлял о личном недоверии тархану Сырымұ (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 1. Л. 135–136, 172–172 об.).

Казахи отвергли призыв Сырыма не избирать хана, которого согласовала императорская власть, и отклонили предложения из Бухары об обучении их детей. Пеутлинг доложил, что кроме мулл, находившихся при главных и многих родовых старшинах, он продолжал назначать их, удовлетворяя просьбы иных родоначальников (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 2–3). Ханская власть в жузе перешла к Ералы. Общие расходы на организацию и проведение выборов составили 3664 рубля 55 коп., на очередную делегацию в Санкт-Петербург – 2879 рублей 55 коп. (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 2. Л. 120–122, ч. 3. Л. 29–30 об.).

Хан предложил поручить улусы под надзор его, султанов Айшуака и Есима. Губернатор поддержал желание хана и султанов. Екатерина II дала согласие (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 31–33, 35–36). Султанам Артыгали и Бигали, сыновьям Нуралы, напомнившим, что они продолжали жить в Уфе, в августе 1791 г. были присвоены чины, выданы одежда и деньги на путевые расходы для возвращения в Казахскую степь. Старшие родственники исходатайствовали для Бигали поездку в Санкт-Петербург (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 95а – 97 об., 102, 103, 118–121б). Следующую делегацию к императорскому двору хан и народ отправили в 1793 г. (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 4. Л. 131–141).

Непримиримые оппоненты клана Абулхайридов во главе с батыром Сырымом втянулись в противостояние с Россией, укрепив социально-политические позиции султанского сословия в Младшем жузе (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 245, 246–249 об., 261–269 об.). В контексте противостояния доминирующих политических сил и отдельных родов в Казахской степи разбои, похищения людей и имущества на пограничных линиях и в приграничных уездах Астраханской и Оренбургской областей, Саратовского наместничества не прекращались, составляя предмет особой деятельности губернатора, Пограничных экспедиции и суда, опиравшихся на органы полицейской администрации, начальников пограничной стражи и органы кочевого управления – правителей улусов и родов, а также расправы. Наиболее существенный объем обязанностей исполняла Экспедиция пограничных дел, контролировавшая взятие заложников, содержавшихся в Оренбурге и Уральске, и обмен их на лиц, похищенных из России, передававшая в Пограничный суд дела об уголовных преступлениях, выкупавшая подданных в Бухаре и

Хиве, выдававшая документы лицам, бежавшим из Казахской степи, устанавливавшая размер ущерба, наносимого друг другу преимущественно казахами и башкирами (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 61–62 об., 63 об. – 64, 72–72 об., 81–83, 87–89 об., 93–95, 98–99 об., 101–101 об., 106–110, 116–117, 156–157, 167–167 об., 259–259 об., ч. 4. Л. 29 об.). Её власть ограничивалась самостоятельностью губернатора и главного командующего Оренбургским корпусом, распоряжавшихся военными силами в крае. Взятие заложников согласовывалось с ханом и султанами как правителями казахских улусов. Обмен лиц мог учитывать их пол и возраст (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 4. Л. 11, 15, 30–30 об.).

Согласно докладом Пеутлинга, в мае – сентябре 1791 г. были захвачены 20 человек, всего пропавшими числились 440 (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 2. Л. 3–3 об.), в августе – ноябре 1792 г. – ещё 24 (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 4. Л. 3–3 об.). В 1790 г. казахи сумели разыскать и доставить на линии 26 человек, в 1792 г. – 19 (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 143 об. – 144, ч. 4. Л. 9–9 об.). В январе 1791 г. двух казаков на линию привезли казахи Китинского рода, отняв их у хивинского купца. Пеутлинг счёл необходимым вознаградить их (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 63–63 об.). В 1790 г. из Средней Азии вывезли 15 человек, в 1791 г. и августе – ноябре 1792 г. – по 11, заплатив за них 1575 и 2120 рублей (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 2. Л. 9–9 об., ч. 3. Л. 143 об. ч. 4. Л. 2–2 об.). Главные старшины, в том числе Сырым, предложили вносить в распоряжение Пограничной экспедиции за похищенных и пропавших без вести людей по 300 рублей с целью их использования для выкупа русских подданных в Бухаре и Хиве (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 79–80). Хан Ералы отправил в Бухару для их розыска и выкупа доверенное лицо и просил губернатора поддержать его намерение лично посетить роды Байулы и Жетыру для понуждения родоначальников к действию (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 145–147 об.). Часть лиц регулярно выходили на линии и к отрядам, спасаясь из плена самостоятельно (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 2. Л. 1–2, ч. 3. Л. 59–60 об., 62–62 об., 86–86 об., 92, 122–122 об., 123–127 об., 128 об., 221–221 об., 253, ч. 4. Л. 37–37 об.), в 1790 г. таких насчитали 62 (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 143 об. – 144), в 1791 г. – 80 (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 2. Л. 4–8 об.), в августе – ноябре 1792 г. – 64 (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 4. Л. 5–8), включая иностранных подданных.

Рост числа имущественных исков не прекращался. Жалобы сторон содержали недостоверную информацию, усложняя деятельность пограничных и уездных полицейских органов (ОГАЧО. Ф. И-117. Оп. 1. Д. 14. Л. 376–376 об., 401). В сентябре 1792 г. Ералы, Айшуак и Есим предложили губернатору задерживать виновных или их сородичей, когда это представлялось удобным, признав неспособность удовлетворить некоторые иски из-за неподчинения казахов (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 224–230 об.). Достижением внесудебной деятельности пограничного начальства стало подписание 23 сентября 1798 г. соглашения представителями башкир пограничных уездов и родов Среднего жуза о прекращении обоюдных имущественных претензий (ОГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 48. Л. 57–59 об.).

Дела, в которых фигурировали казахи, подлежали подсудности Пограничного суда. Становление его авторитета обеспечивалось принятием не только законных и обоснованных, но и справедливых решений в отношении подсудимых любой принадлежности (ОГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 40. Л. 11, 59–59 об.; ОГАЧО. Ф. И-117. Оп. 1. Д. 14. Л. 57–57 об.). Жители степи, обвиняемые в совершении уголовных преступлений, обмену не подлежали (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 4. Л. 10–10 об.). Значение и роль Пограничного суда ослаблялись в условиях дестабилизации социально-политической ситуации: доступными для привлечения к ответственности оказывались преимущественно жители приграничных уездов; имущественные иски подавали преимущественно башкиры, подвергшиеся баранте.

В Казахской степи по предписаниям губернатора действовали воинские начальники и казахские правители. Применение русской военной силы обосновывалось крайней необходимостью: преследованием преступников, помощью органам кочевой власти. Однако эффективность контроля за действиями пограничных командиров снижалась в условиях военного и политического противостояния. Хан и правители улусов позиционировались наряду с расправными судьями как имперские представители, обязанные осуществлять исполнительную и правоохранительную деятельность, организовать розыск похищенных людей и имущества, задерживать преступников (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 164–164 об., 219–220, 276–276 об., ч. 4. Л. 12–13 об.). Закономерным решением в марте 1793 г. ряда родов улусов Байулы и Жетыру, подчиняв-

шихся султанам Есиму и Айшуаку, стал отказ от солидарной ответственности за преступления, совершённые представителями других родов, признанный губернатором Пеутлингом. Казахи обязались пресекать преступления сородичей, сотрудничать с органами пограничной администрации, пользуясь степными угодьями и защитой русских военных сил от недружественных родов (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 4. Л. 26–27). В апреле по распоряжению султана Есима казахи пригнали на линию 391 лошадь, угнанную в разное время с территории Уральского казачьего войска (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 4. Л. 29). В мае 1790 г. казахи улуса Байулы добивались официального подтверждения полномочий своей расправы по поиску и задержанию сородичей в качестве гарантии защиты своих прав в конфликтах с жителями Уральского казачьего войска (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 5. Л. 384–387). Признанием частью родов расправ как института являлись запросы на учреждение новых судов, два из которых Екатерина II санкционировала в улусах Жетыру и Байулы в 1791 и 1794 гг. (ПСЗ РИ, 1791: 219, 1794: 591; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 2. Л. 33–36).

Систему отношений с родами Среднего жуза эксперты оценивали как более устойчивую. Султан Абылай, избранный ханом в 1771 г., претендовал на полную власть над казахами. Требования кочевой аристократии касались доступа к пастбищам на правобережье Иртыша и материальных выплат в качестве поощрения за верное подданство. Только в 1764–1778 гг. в качестве денежных вознаграждений правителям казахов было роздано более 11 000 рублей. Хану, султанам и старшинам выдавали хлеб в виде муки и круп (Крафт, 1898: 104–105, 125; ПСЗ РИ, 1764: 815–816). Иной вид государственных расходов был связан с утверждением в ханском достоинстве султана Вали, преемника Абылая, в 1781 г. они составили более 9400 рублей (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 932. Л. 50–94). Политические притязания хана нарушали баланс отношений как с органами имперской администрации, так и правителями казахских родов (Джангалин и др., 1964: 139–143). Допуск кочевания на правобережье Иртыша для лояльных родов был разрешён в 1788 г. (ПСЗ РИ, 1788: 1086–1087).

Ответственность главных начальников в Оренбургском крае и Западной Сибири в отношениях с казахами была разделена в 1783 г. с началом реализации реформы местного управления (РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62. Ч. 1. Л. 227–228 об.). Командующие Сибирскими линиями

аккумулировали опыт взаимодействия с казахскими правителями, искали способы обеспечить развитие торгово-экономических связей с казахами и сопредельными народами, а также повысить эффективность противодействия преступности в регионе. Программа организационно-правовых и социально-экономических мер по сближению России с казахами, предложенных генерал-майором Боувером в 1795 г., предусматривала прежде всего создание системы судебных органов со смешанным составом судебных лиц; на участках пограничных линий и в Казахской степи генерал предлагал ввести территориальную ответственность родоначальников за поддержание общественного порядка (Джангалин и др., 1964: 143–148).

В 1794–1796 гг. в Казахской степи продолжались поиски политических компромиссов, на Уральских линиях – хозяйственные споры казахов с казакми. В 1794 г. преемником Ералы стал султан Есим. После убийства хана сторонниками Сырыма военный губернатор поддерживал создание в Младшем жузе совета во главе с султаном Айшуаком. В состав совета вошли представители улусов Алимұлы, Байұлы и Жетыру, и муфтий Хусаинов. Совет, наделённый юрисдикцией, стремился объединить казахов, наладить отношения с Сырымом и его сторонниками. 31 октября 1797 г. Павел I утвердил ханом султана Айшуака. Сырым, преследуемый противниками, укрылся в Хивинском ханстве (Вяткин, 1947: 327–357). Император допустил для постоянного кочевания казахов султана Бокея за Урал (ПСЗ РИ, 1801: 571–572), Среднего жуза – за Иртыш (ПСЗ РИ, 1798: 310–311, 1799: 806). Он принял предложения по сосредоточению властных функций в отношении Младшего жуза в компетенции нового органа – Пограничной комиссии (ОГАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 50. Л. 17–18 об.; ф. 222. Оп. 1. Д. 34. Л. 5–7 об.), а также об учреждении суда специальной подсудности и его отделения на военно-административной границе со Средним жузом – в Петропавловске и Семипалатинске, по аналогии с судом и его отделением, действовавшими в Оренбургском крае (ПСЗ РИ, 1800: 84–86).

Заключение

Итак, в 1730-х гг. началось установление вассальной зависимости от России казахских родов. В первых планах императорской власти было учреждение смешанных судов, назначение приставов к политическим лидерам казахов.

Верховная власть Нуралы хана над Младшим жузом получила санкцию в Санкт-Петербурге. Оренбургская администрация стремилась обеспечить безопасность внутренних областей империи, поддерживая баланс в отношениях и противоречиях местных народов. Кочевья казахов удерживали в пределах левобережья Яика и Иртыша. За тяжкие преступления против русских подданных к казахам применяли нормы уголовного права. Коллегия иностранных дел и лидеры Младшего жуза признавали ответный захват людей и скота у казахов в качестве единственно доступного средства воздействия на ответчиков. Круг должностных лиц, наделённых правом совершения баранты, был ограничен законодательно. Фактором, сдерживавшим совершение преступлений во время торговли, рассматривались заложники (аманаты). Согласно инструкции от 1748 г., должностные лица на Сибирских пограничных линиях обязались учитывать при вынесении решений по делам населения, участвовавшего в торговле, его правовые обычаи.

Вслед за проведением реформы местного управления на Южном Урале Екатерина II обратила внимание на Казахскую степь, перейдя от мер по укреплению русско-казахской военно-административной границы и развитию политических связей с кочевой аристократией к внедрению среди казахов первичных форм имперской администрации и юстиции, к чему побуждали традиционная разобщённость казахских родов как политико-экономических единиц, конкуренция или прямая вражда между представителями султанских кланов и семей, а также султанской и родовой аристократии, и, как следствие, отсутствие надлежащего контроля за обеспечением общей безопасности на обширных степных пространствах. В Младшем жузе реформаторы стремились посредством новой системы управления и правосудия установить баланс в системе кочевой власти и создать благоприятные условия для развития торгово-экономических отношений России с казахами и странами Средней Азии. Выбор принципов организации управления казахскими родами осуществлялся на основе оценки реального соотношения социально-политических сил. Новым направлением деятельности органов местной администрации стала поддержка исламизации казахского общества с целью увеличения влияния России. В результате взаимодействия с кочевой аристократией в 1786–1787 гг. в крае создали дополнительную систему органов юстиции в виде Пограничного суда в Оренбурге и его отделения в Калмыковой

крепости, а также трёх расправ в улусах Младшего жуза. Несмотря на борьбу за власть между кланом Абулхаиридов и оппозиционными по отношению к ним родами, в которую неизбежно вовлекались органы и должностные лица имперской администрации, Пограничный суд, его отделение и степные расправы демонстрировали потенциал согласованного осуществления властных полномочий. В Пограничном суде установили представительство казахов с учётом интересов султанского сословия и родовой аристократии, а также трёх крупных объединений родов. Игельстром рассматривал его как разумную альтернативу взятию заложников. Расправы, являясь частью общеимперской системы управления, исполняли роль органов, конкурировавших с иными судами обычного права, и обоснованно претендовали на исключительную подсудность по кругу лиц. В 1791, 1794 гг. казахские лидеры получили согласие на открытие в улусах Жетыру и Байулы двух расправ дополнительно. В Астрахани и Оренбурге функции пограничного управления сосредоточились в компетенции обер-комендантов, участвовавших в регулировании конфликтов.

Свидетельством достижения социально-политической стабильности, обусловленной отеснением Нуралы хана и его семьи от власти политической оппозицией, являлись показатели снижения преступности и роста объёма международной торговли. Объективным фактором достижения соглашений о сотрудничестве с казахскими лидерами являлся допуск части родов к кочеванию в Приуральские и Заволжские степи Астраханской области и Саратовского наместничества. В 1790-х гг. мир в степях Младшего жуза вновь нарушился. Пограничный суд и кочевые расправы объективно не справлялись с обязанностями противодействия преступности, восстановления личных и имущественных прав.

Обстановка в степях напротив Сибирских пограничных линий, командующий которыми осуществлял непосредственное руководство отношениями с родами Среднего жуза, оставалась наиболее спокойной. В 1788 г. казахов допустили к кочеванию на правобережье Иртыша. Вали хан стремился укреплять личную власть, роды, чьи интересы он ущемлял, искали поддержки в России. Пограничная администрация находила целесообразным перенести на Средний жуз опыт организации правосудия по делам казахов Младшего жуза, создав суды в Петропавловской крепости и ставке хана в составе государственных служащих и казахских представителей, а также суды в отдельных родах; кочевых лидеров предлагалось формально обязать пресекать покушения сородичей на преступления.

Император Павел I сохранил преемственность политики Екатерины II в отношении казахов, рассматривая в качестве её главных проводников специальные органы администрации и юстиции. Структуру пограничных органов в Оренбурге оптимизировали, объединив функции управления и суда в компетенции Пограничной комиссии, усилив влияние главного начальника края – военного губернатора, на отношения с казахами. Формальным центром власти в Младшем жузе сделался совет, санкционированный при хане.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00268 «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», реализуемый на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», руководитель Е.А. Крестьянников.

Литература

- Алимбекова М. А. (2012). К вопросу о биях как хранителях правовой культуры казахского народа // Вестник КазНУ. Серия юридическая. № 4 (64). С. 26–29.
- Алимжан К.А. (1998). Суд биев как обычно-правовое учреждение и институт обычного права // Право и государство. Алматы. № 3. С. 59–62.
- Анисимова И. В. (2024). Судебная система Степного края в условиях фронтальной модернизации (конец XVIII – 20-е гг. XX в.). Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Барнаул. 496 с.
- Артыкбаев Ж. О. (2015) Қазақ мемлекетінің тарихындағы төре институты және төре сөзінің мағынасы туралы. Қазақ хандығының мемлекеттік басқару институттары. Ғылыми мақалалар жинағы. Астана.
- Безвиконная Е. В. (2005). Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20–60-х гг. XIX в. Омск: Изд-во ОГИ. 240 с.
- Вареникова С. П. (2016). Казахское обычное право и судопроизводство биев // Lex Russica. № 8 (116). С. 168–177.

Васильев Д. В. (2017). Организация административного управления в Казахской степи: государственная политика и региональные практики (XVIII – первая половина XIX в.). Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Москва. 655 с.

Вяткин М. П. Батыр Срым. (1947). М.; Л.: изд-во Акад. наук СССР. 392 с.

Вяткин М. П. Журнал оренбургского муфтия // Исторический архив. Т. 2. Отв. ред. Б. Д. Греков. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1939. С. 117–220.

Горбунова С. В. (1998). Оренбургская пограничная комиссия и политика России в Младшем казахском жузе. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Москва. 202 с.

Емельянова Н. М. (2017). Значение института казахских биев в административной структуре западно-сибирского генерал-губернаторства XIX века // Учёные записки Хундджандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественные науки. № 2 (51). С. 11–16.

Емельянова Н. М. (2015). Интеграция казахского населения степных областей Западно-Сибирского генерал-губернаторства в состав Российской империи. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Омск. 183 с.

Зиманов С. З. (2008). Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы: Атамұра. 116 с.

Избасарова Г. Б. (2018). Казахская степь Оренбургского ведомства как объект реформ: опыт Российской империи по управлению окраиной (1731 – середина XIX века). Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Москва. 813 с.

Исибаева Е. И. (2012). Қазақ өлкесіндегі билер сотының қалыптасуы және дамуы // Вестник КазНУ. Серия юридическая. № 2 (62). С. 17–20.

Казахские чиновники на службе Российской империи / отв. ред. Г. С. Султангалиева, сост. Г. С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, С. К. Удербая. (2014). Алматы: Қазақ университеті. 418 с.

Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: сборник документов и материалов. Под. ред. В. Ф. Шахматова, Ф.Н. Киреева, Т. Ж. Шоинбаева. (1961). Алма-Ата: изд-во Акад. наук КазССР. 743 с.

Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 гг.): сборник документов и материалов. Под ред. М.О. Джангалина, Ф. Н. Киреева, В. Ф. Шахматова. (1964). Алма-Ата: Наука. 575 с.

Кенжалиев З. Ж. (2015). Духовно-нравственные и мировоззренческие истоки института суда биев // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. № 5. С. 27–35.

Мартин В. (2009). Закон и обычай в степи: казахи Среднего жуза и Российский колониализм в XIX веке. Алматы: Санат. 263 с.

Материалы по истории Казахской ССР: 1785–1828 гг. Т. 4 / отв. ред. В. И. Лебедев. (1940). М.; Л.: изд-во АН СССР. 543 с.

Онланбекова Г. М. (2016). История развития судебной власти в период Казахского ханства // Символ науки. № 2. С. 128–134.

Оразбаева А. И. (2004). Дәстүрлі қазақ қоғамына тән билер институты. Алматы: Дайк-Пресс. 206 с.

Почекаев Р. Ю. (2008). Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV – начало XX вв.) // Зангер. Апрель. № 4 (81). С. 51–58.

Сартаев С. С. (2008). Казахский суд биев и его цивилизационное значение // Вестник КазНУ. Серия юридическая. №3. С. 97–99.

Сартори П., Шаблей П. (2019). Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение. 280 с.

Сборник узаконений о киргизах степных областей. Сост. И. И. Крафт. (1898). Оренбург: тип. Жаринова. 215 с.

Султангалиева Г. С. (2015). Административная политика Российской империи в Казахской степи в первой половине XIX в.: поиск новых форм управления // Res Historica. № 40. С. 125–134.

Федотова И. А. (2006) Суд биев как демократический институт отправления правосудия в казахском традиционном обществе // Вестник Челябинского государственного университета. Серия 10. № 3 (76). С. 134–137.

References

Alimbekova M. A. (2012). K voprosu o biyah kak hranitelyah pravovoj kul'tury kazahsko-go naroda [On the issue of biys as guardians of the legal culture of the Kazakh people] // Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya. № 4 (64). P. 26–29. [in Russian]

Alimzhan K.A. (1998). Sud biev kak obychno-pravovoe uchrezhdenie i institut obychnogo prava [The court of biys as a customary legal institution and an institution of customary law] // Pravo i gosudarstvo. Almaty. № 3. P. 59–62. [in Russian]

Anisimova I. V. (2024). Sudebnaya sistema Stepnogo kraia v usloviyah frontirnoj mo-dernizacii (konec XVIII – 20-e gg. XX v.) [The judicial system of the Steppe Territory in the conditions of frontier modernization (late XVIII – 20s of the XX century)]. Dissertaciya na soiskanie uchyonoj stepeni dokto-ra istoricheskikh nauk. Barnaul. 496 p. [in Russian]

Артықбаев Ж. О. (2015) Қазақ мемлекетінің тарихындағы төре институты және төре сөзінің мағынасы туралы [About the institution of justice and the meaning of the word justice in the history of the Kazakh state]. Қазақ хандығының мемлекеттік басқару институттары. Fylymi makalalar zhinary. Astana. [in Kazakh]

Bezvikonnaya E. V. (2005). Administrativno-pravovaya politika Rossijskoj imperii v stepnykh oblastyakh Zapadnoj Sibiri v 20–60-h gg. XIX v. [Administrative and legal policy of the Russian Empire in the steppe regions of Western Siberia in the 20–60s. XIX century] Omsk: Izd-vo OGI. 240 p. [in Russian]

- Varenikova S. P. (2016) *Kazahskoe obychnoe pravo i sudoproizvodstvo biev* [Kazakh customary law and judicial proceedings of biys] // *Lex Russica*. № 8 (116). P. 168–177. [in Russian]
- Vasil'ev D. V. (2017). *Organizatsiya administrativnogo upravleniya v Kazahskoj stepi: gosudarstvennaya politika i regional'nye praktiki* (XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Organization of administrative management in the Kazakh steppe: state policy and regional practices (XVIII – first half of the XIX century)]. *Dissertatsiya na soiskanie uchyonoy stepeni doktora istoricheskikh nauk*. Moskva. 655 p. [in Russian]
- Vyatkin M. P. Batyr Srym. (1947). M.; L.: izd-vo Akad. nauk SSSR. 392 p. [in Russian]
- Vyatkin M. P. *Zhurnal orenburgskogo muftiya* [Journal of the Orenburg Mufti] // *Istoricheskij arhiv*. T. 2. Otv. red. B.D. Grekov. M.; L.: izd-vo AN SSSR, 1939. S. 117–220. [in Russian]
- Gorbunova S. V. (1998). *Orenburgskaya pogranichnaya komissiya i politika Rossii v Mladshem kazahskom zhuze* [Orenburg Border Commission and Russian policy in the Junior Kazakh Zhuz]. *Dissertatsiya na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. Moskva. 202 p. [in Russian]
- Emel'yanova N. M. (2017). *Znachenie instituta kazahskikh biev v administrativnoj strukture zapadno-sibirskogo general-gubernatorstva XIX veka* [The significance of the institution of Kazakh biys in the administrative structure of the West Siberian general government of the 19th century] // *Uchyonye zapiski Hundzhandskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika B. Gafurova. Seriya guma-nitarno-obshchestvennye nauki*. № 2 (51). P. 11–16. [in Russian]
- Emel'yanova N. M. (2015). *Integratsiya kazahskogo naseleniya stepnykh oblastej Zapadno-Sibirskogo general-gubernatorstva v sostav Rossijskoj imperii* [Integration of the Kazakh population of the steppe regions of the West Siberian General Government into the Russian Empire]. *Dissertatsiya na soiska-nie uchyonoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. Omsk. 183 p.
- Zimanov S. Z. (2008) *Kazahskij sud biev – unikal'naya sudebnaya Sistema* [Kazakh court of biys is a unique judicial system]. *Almaty: Atamyrta*. 116 p. [in Russian]
- Izbasarova G. B. (2018). *Kazahskaya step' Orenburgskogo vedomstva kak ob'ekt reform: opyt Rossijskoj imperii po upravleniyu okrainoj (1731 – seredina XIX veka)* [The Kazakh steppe of the Orenburg department as an object of reform: the experience of the Russian Empire in managing the outskirts (1731 – mid 19th century)]. *Dissertatsiya na soiskanie uchyonoy stepeni doktora istoricheskikh nauk*. Moskva. 813 p. [in Russian]
- Isibaeva E. I. (2012). *Kazak elkesindegi biler sotynud kalypstasuy zhane damuy* [Formation and development of court of judges in the Kazakh region] // *Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya*. № 2 (62). P. 17–20. [in Kazakh]
- Kazahskoe chinovnichestvo XIX–XX vv.: formirovanie, struktura, personalii* [Kazakh bureaucracy of the 19th–20th centuries: formation, structure, personalities] / otv. red. G. S. Sultangalieva, sost. G. S. Sultangalieva, D. A. Amanzholova, T. T. Dalaeva, S. K. Uderbaeva. (2016). *Almaty: Kazak universiteti*. 364 p. [in Russian]
- Kazahsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekah: sbornik dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations in the 16th–18th centuries: a collection of documents and materials]. Pod. red. V. F. SHahmatova, F. N. Kireeva, T. ZH. SHoinbaeva. (1961). *Alma-Ata: izd-vo Akad. nauk KazSSR*. 743 p. [in Russian]
- Kazahsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vekah (1771–1867 gg.): sbornik dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations in the 18th–19th centuries (1771–1867): a collection of documents and materials]. Pod red. M. O. Dzhangalina, F.N. Kireeva, V. F. SHahmatova. (1964). *Alma-Ata: Nauka*. 575 p. [in Russian]
- Kenzhaliev Z. ZH. (2015). *Duhovno-nravstvennye i mirovozzrencheskie istoki instituta suda biev* [Spiritual, moral and ideological origins of the institution of the court of biys] // *Izvestiya Nacional'noj akademii nauk Respubliki Kazakhstan*. № 5. P. 27–35. [in Russian]
- Martin V. (2009). *Zakon i obyčaj v stepi: kazahi Srednego zhuzha i Rossijskij kolonializm v XIX veke* [Law and custom in the steppe: Kazakhs of the Middle Zhuz and Russian colonialism in the 19th century]. *Almaty: Sanat*. 263 p. [in Russian]
- Materialy po istorii Kazahskoj SSR: 1785–1828 gg.* [Materials on the history of the Kazakh SSR: 1785–1828]. T. 4 / otv. red. V. I. Lebedev. (1940). M.; L.: izd-vo AN SSSR. 543 p. [in Russian]
- Onlanbekova G. M. (2016). *Istoriya razvitiya sudebnoj vlasti v period Kazahskogo hanstva* [History of the development of judicial power during the period of the Kazakh Khanate] // *Simvol nauki*. № 2. P. 128–134. [in Russian]
- Orazbaeva A. I. (2004). *Dəstərli qazaq qoramynda tən biler instituty* [Institute of Biys characteristic of traditional Kazakh society]. *Almaty: Dajk-Press*. 206 h. [in Kazakh]
- Pochekaev R. YU. (2008). *Osnovnye etapy evolyucii kazahskogo suda biev (XV – nachalo HKH vv.)* [The main stages of the evolution of the Kazakh court of biys (XV – early XX centuries)] // *Zanger. Aprel'*. № 4 (81). P. 51–58. [in Russian]
- Sartaev S. S. (2008). *Kazahskij sud biev i ego civilizatsionnoe znachenie* [Kazakh court of biys and its civilizational significance] // *Vestnik KazNU. Seriya yuridicheskaya*. № 3. P. 97–99. [in Russian]
- Sartori P., SHablej P. (2019). *Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znanij v Kazahskoj stepi* [Experiments of empire: adat, sharia and knowledge production in the Kazakh steppe]. M.: Novoe lit. obozrenie. 280 p. [in Russian]
- Sbornik uzakonenij o kirgizah stepnykh oblastej* [Collection of laws on the Kirghiz of the steppe regions]. Sost. I. I. Kraft. (1898). *Orenburg: tip. ZHarinova*. 215 p. [in Russian]
- Sultangalieva G. S. (2015). *Administrativnaya politika Rossijskoj imperii v Kazahskoj stepi v pervoj polovine XIX v.: poisk novykh form upravleniya* [Administrative policy of the Russian Empire in the Kazakh steppe in the first half of the 19th century: search for new forms of management] // *Res Historica*. № 40. P. 125–134. [in Russian]
- Fedotova I. A. *Sud biev kak demokraticeskij institut otpravlenniya pravosudiya v kazahskom tradicionnom obshchestve* [The Court of Biys as a democratic institution for the administration of justice in Kazakh traditional society] // *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2006. Seriya 10. № 3 (76). P. 134–137. [in Russian]

Сведения об авторе:

В.А. Воропанов – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал; старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Институт региональных исторических исследований, Факультет гуманитарных наук.

Автор туралы мәлімет:

В.А. Воропанов – тарих ғылымдарының докторы, доцент, Ресей Президенті жанындағы халық шаруашылығы және мемлекеттік қызмет академиясы Челябинск филиалының мемлекеттік басқару, мемлекеттік және муниципалдық қызметті құқықтық қамтамасыз ету кафедрасының меңгерушісі; Аға ғылыми қызметкер, Ұлттық зерттеу университеті Жоғары экономика мектебі, Аймақтық тарихтану институты, гуманитарлық факультеті.

Information about the author:

V.A. Voropanov – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration, Legal Support of State and Municipal Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch; Senior Researcher, National Research University Higher School of Economics, Institute of Regional Historical Studies, Faculty of Humanities.

Поступило: 01.03.2025

Принято: 05.06.2025